

Сорок калик (2)

Собиралися ребятушка к тому ли морюшку ко Холодному,
К тому же кресту Леванидову.

Собралось-то ребятушек сорок калик со каликою:

«Пойдём, робятушка, во Свету́ Землю́ Ерусалимскую —
Светой гробнице, Бо́гу помолитися,
Бо́гу помолитися, во светой реке Иордан покупатися,
На плаку́н-траве покататися!

Мы положим-ко, робята, заповедь тежолую:

Ищё кто из нас заболуетца,

Ищё кто из нас заворуетца —

Не будем судить судом — русским,

А тем будем судить судом — еврейским:

Живого зароем по пбес во сыру́ю землю́,

И у живого глаза выкопām,

И оставим во цистом поле!»

(И вот и отправились во Светую Землю́ Ерусалимскую.)

И отправились ребятушки во Святú Землю́,

Пришлось им идти мимо Киев-град,

Пришлось им ночлеговать в Киеве

У князя у Владимира.

Во то время, во ту пору князя Владимира не было дома. Одна была кнегиня
Опраксея

Васильевна. Из них пондравился ей Данило Белый-Серафимская шапка. «Ну,
— говорит, —

Данилушка, останься ты у нас в услуженьици!» — «Куда в услуженьици?» —

«А над складами

зеленá вина и над склáдами золотой казны! Зеленó вино будет сдаваться
тебе не мерено, а золотá

казна будет для тебя не считана!» А тогда Данилушко сказал ей: «Нет,

Опраксея Васильевна!

Нельзя нам здесь остаться, от партии!» — «А почему так, нельзя остаться?»

— Опраксея

говорила. — «А потому, что у нас положена заповедь тежолая. Ещо кто из
нас забалуется, ещо

кто из нас заворуется — не будут судить судом русским, а будут судить судом еврейским. Вот и заруют во сыру́ землю по по́яс и у живого выкопают глаза! И оставят на цистом поли!» Ну, Опраксея то́гда и подумала, что Данила у ней не останется. То́гда она князя Владимира взяла чашечку золотую, положи́ла ему в кошёлочку.

Вот калики собрались и ушли.

Уже три дня прошло. Опраксея Васильевна и хватилась: што эта серебряна чашечка, с которой князь кушает? Чашечки нет! Вот и стала она посылать из бо́гатырей ехать догнать калик перехожих: не попала ли эта чашечка им случайно? Вот пошла к бо́гатырям: «Поеждяйте-ко, бо́гатыри! Догоните калик перехожих!»

Вот и стали бо́гатыри выбирать: кому ехать. Ехать нужно Олешеньке Поповичу. Олеша Попович срежалса скорехонько.

Срежалса Алексеюшко скорехонько,
Сподоблялся Алексеюшко скоре тово,
Выходил Олешенька на конюшен двор,
Выводил Олешенька добра́ коницька,
Садился Олешенька на добра́ коня.
Не видели бо́гатырской поездочки —
Только видели: в цистом поле курева́ пошла.
Нагонил Олешенька на цистом поли сорок калик со каликою,
И крикнул Олешенька своим громким голосом:
«Не покрали ли кто, товарищи,
Золоту чашечку князя Владимира?..»

А калеки перехожие крикнули все в голос! Так здорово крикнули, что Олешенька чуть с добра́ коня не свалилса! То́гда Олешенька Попович поворотил добра́ коницька и поехал в стольней Киев-град. «Ну, товарищи, ничего не мог я розыскать!»

И стали бо́гатыри выбирать Добрынюшку Микитича. «Ну-ко ты поезжай,
Добрынюшка
Микитич, во чистó поле!»

Срежалса Добрынюшко скарёхонько,
Сподоблялся Микитич скорё тово,
Выходил Добрынюшко на конюшен двор,
Выводил Добрынюшко добра́ ко́ница,
Накладывал седёлышко черкасьское,
Двенадцеть подпружечек подпрегивал
И сам подпругам приговаривал:
«Это не ради басы́ — а ради крепости!»
Не видали бо́гатырской поездочки —
Только видели: в цистом поле курева́ пошла.

(И тот покатыл!)

Нагонíл Добрынюшка Микитич калик перехожих на чистóм поли,
Объехал кругом их и слез с добра́ коня́,
Снял пухову́ю шля́пу.

Во пра́вой руки коня ведёт,
Во лево́й руки шля́пу несёт.

(Идет ему навстрету.)

И тут-то Добрынюшко роскланялся:

«Уж вы здраствуйте, уда́лы до́бры молодцы!

Уж вы сядьте, добры молодцы, да позалогуйте!»

Ну, тут и сели калеки перехожие.

«Вы откуда, добры молодцы, идите́ и куда пошли?» —

«Мы пошли́ от морюшка Холодного,

От того креста от Леванидова.

А пошли в землю́ Ерусалимскую:

Во светой гробнице Богу помолитися,

В Иордан-реке покупатися,

На плаку́н-траве покатытися» —

«Да што же, — говорит, — калеки перехожие,

Не ночлеговали в городе Киеве

У князя Владимира?»

Они отвечали: говорят, ночлеговали. «Случайно, товарищи, не попала ли
вам чашечка золотая,

из которой он кушает? Посмотрите друг у дружки: не попала ли случайно?»

(Он просит их.)

А они ответили: «Не должно быть!» — «Ну всё-таки, братцы, посмотрите! Нечайно, может быть!» Они то́гда и согласились. Вот и стали искать, кошелочки развязывать. Смотрели, смотрели, вот до него дело дошло — у Данилы нашли!

Вот то́гда стали Данилушка судом судить еврейским. Вот и закопали его по поес, одни руки на воле оставили! То́гда и глаза у его выкопали! То́гда осталса Данилушко во чистом поли́. А они пошли во Свету́ Землю́ Ерусалимскую. Вот и пришли в Свету́ Землю́ Ерусалимскую, ко светой гробнице. Бо́гу помолились. Во светой реке Иордан покупались.

Потом пошли на Вертеп-гору, на плакун-траву. Видят: человек идёт. Один одному и сказал:

«Данила идёт, ребята!» А они: «Не может быть! Данила остался в чистом поле, глаза повыкопаны!»

Потом ближе подходят — видят, што Данило, который был ими в землю зарыт и окара́пан.

Их ужас взял! Што за чудо? Што могло быть?

То́гда они промеж себя и догадались, што эта чашечка была ему ложно подложена.

(Тем и кончилось.)

(Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Ивана Ивановича, 57 лет.)

РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.